

Толстячок нокаутировал сразу его и второго принца? Быть не может. Наверняка снится. Это не тот фальшивый Лун Аотянь в детстве, которого он знал! И почему трава такая тёплая? Лу Цзыяо опустил взгляд и обнаружил, что лежит прямо на шестом принце. Тот, судя по всему, ушибся: прищурив левый глаз, он с беспомощной улыбкой спросил:

— Ты не ушибся, А-яо?

Лу Цзыяо поспешно вскочил и осмотрел руки-ноги шестого принца:

— Ой, ваше высочество, я-то могу и упасть, со мной ничего не будет. А вот если я раздавлю вашу бесценную особу, мне не сносить головы. Зачем вы рисковали, ловя меня?

Шестой принц нарочно отнекивался:

— Кто тебе сказал, что я тебя ловил? Я как раз стоял здесь и смотрел, как второй брат с седьмым упражняются в боевых искусствах, как вдруг ты откуда-то прилетел. Я не успел уклониться и свалился. Значит, недоглядел; в следующий раз обязательно уйду с дороги.

Он говорил это, только чтобы Лу Цзыяо не чувствовал себя виноватым. Лу Цзыяо не мог этого не понимать, и сердце у него сжалось от жалости.

Шестой принц с детства был тёплым, светлым ребёнком — нежным, заботливым и рассудительным. И что особенно редко — он делал всё это совершенно бескорыстно. Лу Цзыяо всегда было интересно, что за божественная мать сумела воспитать такого ребёнка. Он даже надеялся перенять у неё пару приёмов, чтобы направить юного Лун Аотяня в сторону такого же тёплого характера. Поэтому, сблизившись с шестым принцем, Лу Цзыяо несколько раз воспользовался случаем и ходил вместе с ним в покои его матери. Но результат поразил его.

Матерью шестого принца была Хуа-гуйфэй. В те редкие разы, когда она показывалась, лицо у неё было холодным. К сыну она относилась хуже, чем любая служанка, — какое уж там материнская нежность. Совсем как не родная мать. Хуа-гуйфэй вечно тонула в собственном горе из-за чёрствости императора. Её саможаления не вызвали у императора сочувствия, зато принесли сыну бесконечную боль. Не дождавшись, пока отец-император придёт утешать матушку, маленький шестой принц изо всех сил пытался развеселить её сам, но чаще всего натывался лишь на раздражение — и его прогоняли.

Говорили, что до того, как Си-фэй преподнесли императору в дань, мать шестого принца была самой любимой наложницей — её слава не знала равных. А что случилось дальше, знали все: появление Си-фэй лишило Хуа-гуйфэй милости. Стоило императору выкроить свободную минутку, он бежал только во дворец Цинцун. Огромная пропасть между прежним и нынешним положением совершенно изменила Хуа-гуйфэй. Лу Цзыяо несколько раз молча наблюдал за ней в её покоях и заметил, что эта женщина подолгу пребывает в оцепенении, отказываясь от любого общения с миром, а иногда внезапно срывается в рыдания — словно её захлёстывает горе. Похоже, она страдала депрессией.

А маленький шестой принц не понимал, почему его прежде нежная матушка вдруг сделалась такой несчастной. Он всё думал: будь он послушнее и понятливее, матушке было бы не так больно. Но как он ни старался, он не мог загладить ту боль, что причинил матери отец-император. С годами вечно заплаканная мать и её отчуждение вбили в шестого принца чувство вины до мозга костей. С почти отчаянным упорством он продолжал стараться стать ещё лучше. Это был ребёнок-угодник.

Все эти годы Лу Цзыяо был к шестому принцу особенно внимателен, отдавая ему не меньше

заботы и душевного отклика, чем толстячку, — чтобы помочь мальчику снова поверить в себя и не жертвовать собой без конца, не выслуживаться перед другими. Окружающие по большей части не помнили его жертв и уступок, а лишь привыкали к его терпению и покладистости. Зато когда шестой принц хотя бы раз проявлял каприз, все были недовольны. Чувствительный шестой принц, обделённый материнской любовью, сразу улавливал это недовольство и пугался ещё сильнее: кошмар о том, что его возненавидят, если он будет недостаточно хорош, повторялся снова и снова. Постепенно шестой принц и стал для всех маленьким солнышком. Наверное, только Лу Цзыяо не мог принимать это тепло как должное — это было горькое тепло, которое шестой принц добывал, отчаянно сжигая себя.

Поэтому все эти годы, даже когда забота о шестом принце вызывала у толстячка ревнивое ворчание и мелочные обиды, Лу Цзыяо не убавлял своей привязанности. И сейчас, видя, как шестой принц делает вид, будто совсем не ушибся, Лу Цзыяо ничего не сказал, лишь подошёл и внимательно осмотрел его: потрогал запястье и руку тёплого малыша, спросил, не больно ли.

А толстячок, одержавший полную победу, даже не заметил, что только что уложил второго брата и сшиб отца-императора, оформив дабл-килл. Он уже вовсю радовался и побежал к лошади второго брата отвязывать кроликов. Все восемь кроликов достались его высочеству! самого глупого и трусливого белого кролика его высочество вручил Лу Цзыяо, то и дело спрашивая:

— Ну правда похож на тебя?

Лу Цзыяо со смиренным видом прижимал к груди остолбеневшего кролика, надулся, но спорить не посмел. Со стороны они с этим дурацким кроликом и правда смотрелись как одно целое... Его высочество был в полном восторге. Вот уж действительно — непочтительный фальшивый юный Лун Аотянь!

Второй принц, только что проигравший всё своё «состояние», обливаясь слезами и переборов стыд, спросил у Седьмого:

— Старший брат скоро будет проверять добычу. Нельзя ли этих восемь кроликов пока положить на коня второго брата? Вернёмся в лагерь — отдам тебе ещё одного сверху.

Толстячок, упоённый победой, сморщил нос и скорчил второму брату рожицу — отказ.

Шестой принц со вздохом похлопал второго брата по плечу:

— У меня как раз пять кроликов. Возьми три для отчёта.

Лисьи глаза второго принца, только что жалобные, тут же довольно сощурились, и он легонько коснулся веером лба шестого принца:

— Не зря я тебя так любил!

Лу Цзыяо, прижимавший дурацкого кролика, тут же наострил уши и изо всех сил толкнул шестого принца локтем. Тот удивлённо обернулся, увидел, что Лу Цзыяо снова смотрит на него с укором — мол, опять ты разбрасываешься, — и широко улыбнулся:

— Что в кроликах такого ценного? У нас ещё оленина от отца-императора не кончилась.

— Наш шестой брат рассудительный, в отличие от некоторых толстяков. — Второй принц взял трёх кроликов, снятых с лошади шестого брата, покосился на седьмого и повернулся к

шестому: — После осенней охоты я поеду со старшим братом в Цзянчжэ закупать зерно. Как раз не хватает такого умелого человека, как ты. Поедешь со мной? Седьмого не берём.

У седьмого принца тут же наострились уши: он заподозрил, что братья собрались лакомиться чем-то вкусным без него.

Закупка зерна? Лу Цзыяо вздрогнул от этого слова. Неужели пробное внедрение того самого Нового закона уже началось? Спокойная жизнь последних лет почти заставила Лу Цзыяо забыть о грядущей опасности. Ему казалось, что беды придут, только когда толстячок вырастет. А толстячку уже незаметно исполнилось двенадцать. Первого принца четыре года назад назначили наследником престола, теперь ему двадцать пять — и действительно, наступила та самая ранняя стадия реформ из первоисточника. Лу Цзыяо, девять лет проживший в покое, вздрогнул всем телом и поспешно принялся вспоминать сюжет первоисточника.

Император выделил наследному принцу один бедный уезд как место для пробного введения Нового закона. Переброска зерна из Цзянчжэ стала первым шагом пробной реформы наследного принца. Реформа, которую принц и его советники выстрадали за семь-восемь лет, наконец пошла в опытную эксплуатацию.

Лу Цзыяо вспомнил: по общему смыслу реформа перекликалась с «законом одной плети» Чжан Цзюйчжэна и некоторыми новыми законами Ван Аньши. Например, унификация трудовой повинности, похожая на закон об освобождении от неё, должна была начаться лишь после того, как Новый закон официально вступит в силу. На пробном этапе главное — создать новое государственное ведомство, которое вместо купцов и землевладельцев скупало бы по низкой цене зерно в богатых провинциях и перевозило его в пострадавшие от бедствий районы, где продавало бы его и давало в долг по низкой цене. Целью реформы было не только перетянуть у купцов прибыль и наполнить казну; важнее — принести пользу народу и сдержать захват земель.

Похожие меры встречались и в других династиях: в урожайные годы особые ведомства скупали дешёвое зерно по умеренным ценам, ссыпали его в государственные житницы, а когда в уездах случалось бедствие, открывали амбары и раздавали припасы. Но насколько порочна такая система помощи, отлично знали и при дворе, и уж тем более Лу Цзыяо. Даже в его информационно развитом обществе из пожертвований, собираемых под разными предлогами, до пострадавших доходила неизвестно какая доля — остальное расхищалось через десятки рук; что уж говорить о древности, где информацию скрыть было проще простого. Казна и зерно, которые двор отправлял в помощь народу, по пути из центра в уезды наполняли карманы бессчётного числа людей — и этого никак не измерить.

Поэтому реформа наследного принца отличалась от прежней практики. Во-первых, создавалось независимое регулирующее ведомство с прямым выходом на двор. Столичные чиновники к нему не допускались — как и провинциальные сановники, и даже окружные с уездными начальниками. Оно полностью имитировало частные рыночные сделки, не трогало казённых запасов и не запрашивало государственных денег. Этому новому ведомству даже жалованье для себя приходилось зарабатывать самостоятельно, и каждый год оно должно было выполнять установленные двором показатели — что почти не оставляло чиновникам всех рангов лазеек для наживы.